

18+

Владимир Владимирович
Мерссир

Млечный путь

Владимир Мерссир

Млечный путь

«Издательские решения»

Мерссир В. В.

Млечный путь / В. В. Мерссир — «Издательские решения»,

«Все изложенные в произведении события являются плодом воображения автора. Любое их совпадение с реальными местами, людьми, организациями — абсолютно случайно». Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава №1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Млечный путь

Владимир Владимирович Мерссир

Дизайнер обложки Владимир Владимирович Мерссир

© Владимир Владимирович Мерссир, 2026

© Владимир Владимирович Мерссир, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-8012-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава №1

Попутчики

В роскошном поезде — новом, будто сотканном не из металла и стекла, а из самой сути перемен, — ехали множество разных персонажей. Они отправились из Тёмной Столицы, города в Тёмной области, и держали путь на юг острова — к Малому острову, через Великий мост, к городу Алтау, что был столицей Малого острова.

Над поездом нависали тёмные тучи — тяжёлые, словно пропитанные древним предчувствием. Они ползли по небу, будто живые стражи, не позволяя ни лучу светила пробиться сквозь свинцовую пелену. Воздух был густ от холода и запаха прелой листвы, а ветер нёс с собой шёпот ушедших времён — будто сама осень шептала каждому в спину: «Всё меняется. Всё должно быть собрано».

Осень — время собирать всё, что можно уложить в свою корзину: камни, которые могут стать и грузом, и оружием против надоевших приятелей, которых вовсе не хочется видеть. В этом сборе была не просто хозяйская расчётливость, а древний ритуал: каждый подобранный камень хранил в себе тень чьей-то судьбы, и кто знает, какой из них однажды спасёт или погубит.

Может, пришло время считать кур: ведь с августа начинается нарастание всего — и хорошего, и дурного. И в этом нарастании чувствовалась не просто смена сезонов, а пробуждение чего-то дремлющего в самой ткани мира: будто под тонкой коркой обыденности шевелилось нечто древнее, ждущее своего часа.

В наших вагонах едут разные персонажи, и многие искренне считают себя людьми — а иные будто сами не уверены, что в них осталось от человека. В их мыслях и поступках сквозит что-то чуждое, тяжёлое, словно внутри у них не кровь, а густая тьма, оседающая на дно души.

Некоторые едут тайно: прячут лица под капюшонами, растворяются в полумраке коридоров, будто боятся, что свет выхватит из них правду, которую лучше не знать. Многие движутся осмысленно — у каждого свой расчёт, своя цель, спрятанная за вежливыми улыбками или сухими кивками. А есть и те, кто вышагивает по вагонам нагло, с высокомерным блеском в глазах, выставляя себя малыми богами, которым будто бы дозволено всё.

И в этом соседстве — в одной железной коробке, мчащейся сквозь осень, — чувствуется особая, почти ритуальная напряжённость: будто сам поезд везёт не просто пассажиров, а разные степени падения и величия, разные грани того, что когда-то называлось человечностью, а многие просто суки!

По широкому коридору плавно скользил дух — будто не шёл, а стелился над полом тонкой тенью, сливаясь с полумраком. Он осматривал всё ли в порядке, но его забота была не простой бдительностью: он чуял малейшие трещины в равновесии, слышал, как в воздухе звенит напряжение, готовое обернуться бедой.

Этот дух служил здесь давно — так давно, что уже и не помнил, кем был прежде. Его обязанностью было соблюдение порядка в вагоне, но порядок он понимал не как тишину и покорность, а как хрупкое равновесие между надеждой и отчаянием, между светом и той тьмой, что подступает с каждой минутой. Он наблюдал за всеми, кто сегодня отправился «Сквозь Вселенную и Сны» — по осеннему пути, что вёл к свету и звёздам, но был полон сумрачных поворотов, где легко потерять себя.

За окнами тянулась серая пелена: тяжёлые осенние тучи ползли низко, будто хотели придавить поезд к земле, стереть его с лица мира. В их свинцовой толще чудилось нечто большее, чем просто непогода: казалось, сами небеса хмурились, наблюдая за этим странным составом,

несущим в себе столько судеб. И дух знал: если равновесие дрогнет хоть на миг, эти тучи могут обернуться чем-то куда более грозным, чем дождь и ветер.

Он скользил дальше, не задерживаясь взглядом ни на ком, но замечая всё: наглого «малого бога», что вышагивал с высокомерным блеском в глазах; тех, кто прятал лица в тени капюшонов; усталых путников, сжимавших в руках свои скромные пожитки. Для духа они были не просто пассажирами — они были звеньями цепи, удерживающей этот отрезок пути от распада. И пока он бдит, пока его тень мелькает в коридорах, поезд будет держаться курса — даже если осень пытается разорвать небо на части.

Бог этот был ростом с подростка, но шагал так, будто занимал куда больше места. Голова его едва доставала до панелей считывателей ключей от апартаментов — и оттого казалось, что он всё время всматривается в мир снизу вверх, с какой-то упрямой, почти вызывающей внимательностью.

На нём были тёмные сапоги тёмно-вишнёвого цвета, а выше — штаны из такой прочной ткани, что, казалось, даже ураган «Катюшка» не сумел бы их порвать. Брюки удерживал ремень с пряжкой, на которой поблёскивал человекоподобный осьминог с множеством глаз — словно древний страж, следивший за каждым движением.

Туловища как будто и не было: его скрывала куртка светло-серого цвета, бесформенная, будто сотканная из самой тени вагона. А вот голова... она напоминала будку — тяжёлую, угловатую, — и поворачивалась медленно, с натужным скрипом, будто механизм давно не смазывали.

Щёки у него были такие плотные и округлые, будто по лицу и впрямь шлёпнули блины, а потом смазали маслом: в этом было что-то от девушек, которые чересчур усердно мудрили с косметикой, пытаясь вылепить себе новое лицо. Губы напоминали две толстые колбасы, между которыми шевелился тяжёлый, бычий язык. А нос... боже, этот нос был словно пятак, будто его когда-то подправили кувалдой, оставив грубую, бесцеремонную форму.

Вагонный дух ненадолго замер, пропуская малого бога. И когда тот проходил мимо, глаза духа так сильно выкатились из глазниц, что стали похожи на бильярдные шары — и крутились, будто пытались удержать в фокусе сразу все трещины в реальности, которые этот «божок» оставлял за собой.

Дух смотрел ему вслед, пока силуэт малого бога не растаял в полумраке коридора. Он видел, как тот зашёл в апартаменты №45; дверь мягко щёлкнула, закрываясь, а спустя немного времени изнутри донёсся странный шум — будто что-то тяжёлое рухнуло на пол, и следом прокатился короткий, сухой смешок.

Но дух не стал задерживаться. Его путь лежал к апартаментам №42: он нёс туда пряники и простой чай — в чашке с изображением носорога, нелепого и добродушного, словно из забытого детства. Подойдя, он тихо дал знать о своём приходе, и дверь приоткрылась, будто сама по себе.

В тот миг резкий порыв ветра прошёл пространство насквозь, пройдя даже сквозь бесплотную суть духа, и на мгновение мир будто стал тоньше, прозрачнее. В проёме, возле тёплой печи, сидела бабушка. Она грела озябшие руки и словно пыталась согреть заодно и душу, истерзанную долгой дорогой и чужими тревогами. Её взгляд был прикован к окну, за которым холод этого странного мира укутывал стекло снежными морозами, рисуя на нём колющие узоры.

Она смотрела на внуков, игравших по ту сторону стекла, и в её глазах загоралось тихое, хрупкое счастье. Внучка бегала со своей собачкой, смеялась и лепила огромные снежные шары — такие, что едва могла обхватить обеими руками. Бабушка поджимала ноги от холода, но улыбалась, и в этой улыбке было что-то горькое, словно она в который раз мысленно прощалась с прошлым. Эта улыбка напоминала ту, с которой она когда-то закопала мужа, за долгие годы

досаждавшего ей пейзажем и мелочными придирками: теперь, среди чужого холода и чужих тревог, даже эта досада казалась чем-то родным и безвозвратно ушедшим.

Она вспоминала одну и ту же его фразу: «Маш, а Маш, есть что поесть?» — и каждый раз, стоило ей мысленно её услышать, уголки губ сами собой чуть подрагивали, будто сквозь годы пробивалась старая, привычная усталость пополам с тёплой досадой.

А она тогда отвечала привычно, будто по заученному ритуалу, не отрываясь от дел: «Сука, да когда ты уже нажирёшься, крокодил ебанный...»

Дед смотрел на свою избранницу, и в груди у него ворочалось тяжёлое, колющее чувство — ему хотелось умыться ещё раз, да так, чтобы смыть с себя этот миг и больше никогда её не видеть. Но он только качнул головой, будто сбрасывая наваждение, и пробормотал:

— Ну ладно, я пойду. Надо лицо умыть.

Бабка Маша, покачиваясь на скрипучем стуле, перебирала в голове новые мотивы — будто пыталась сложить из обрывков мыслей какую-то свою, только ей понятную песню. А дух всё это время стоял в полутени, не мешая, и смотрел на неё, и перед его внутренним взором вдруг всплывал Белый город — далёкий, залитый слепящим светом, и собственное детство, такое чистое и простое, что от этой чистоты теперь почти больно.

Тут вдруг дед вернулся — из бани, распаренный, с полотенцем через плечо. На его лице, будто прорезанные самой жизнью, легли новые морщины: не просто следы лет, а отметины характера, упрямые и жёсткие. В его умывальнике стояла святая вода — или то, что он за неё принимал. Дед верил: только она способна заново придать сил перед очередным конфликтом, перед очередной битвой за право быть услышанным.

Бабка Маша глянула на него и сразу поняла: умывальник-то не простой, и вода в нём — целебная, да только в обратную сторону: не лечит, а, наоборот, обнажает всё, что хотелось бы спрятать. Она сидела, крепко держа руки на груди, словно удерживая внутри себя бурю, а потом вдруг резко плюнула на пол и обронила, будто швырнула тяжёлую гирию:

— Ну, дед, умылся, смотрю, хорошо. Сейчас я тебя ещё побрею, заодно насуху полотенцем вытру. Сейчас ты у меня умоешься навсегда.

Дед только махнул рукой, устало и привычно, и буркнул:

— Маш, дай поесть. Я, мать твою, за душу работал целый день, как проклятый. Дай чего пожрать...

Бабка, встала и пошла поездом в сторону деда, кормить его, в ходе потасовки, дед упал так и не пожиривший на пол.

— Маш... Маша, подними меня... Маш, подними!

— Сам встанешь... Крокодил санный! Устала я уже убирать за тобой, всю жизнь убираю, а ты всю жизнь голодный: «пожирать, пожирать»... Сука, бабуин берёзовый! Вот и лежи там. Сам встанешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.